

СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На материале древнеанглийского словаря и текстов VII–XI вв. сделана попытка проследить динамику семиотических, языковых и дискурсивных фиксаций профессиональной деятельности в культуре англосаксов в период становления этого этноса. Изучается совокупность означающих средств, в которые включаются номинации, приобретающие статус лингвистических маркеров социальных ситуаций прошлого.

Ключевые слова: англосаксы; профессиональная деятельность; языковые номинации.

Язык – это код плюс его история.
Ю.М. Лотман. *Культура и взрыв*

Естественный язык является важнейшей из знаковых систем, действующих в сфере культуры. Согласно одному из определений знака, он представляется как «социальная сущность, служащая посредником между членами одного коллектива и понимаемая только на базе всей системы значимостей, обязательной для всей языковой общности» [1. С. 168]. Анализ и интерпретация знаков всегда подразумевает соответствующий анализ и интерпретацию опыта и процесса познания. По замечанию Т.В. Цивьян, «модель мира является семиотическим каркасом своего языка» [2. С. 42]. Познание и когнитивное освоение человеком мира, его окружающего и дающего ему жизнь, неразрывно связаны с семиозисом, понимаемым как означивание, т.е. процесс «знакового представления информации и использования знаков во всех сферах природной и социальной жизни, где имеют место информационные процессы» [3. С. 14]. Язык как сложная знаковая система сформировался в общественной истории, и общественно-исторический опыт человечества кодируется в слове и понятии, семантика которых носит отпечаток специфической культурной среды. Особенности культурно-исторической эпохи, национальной и этнической принадлежности, а соответственно и особенности восприятия окружающей реальности, влияют на язык и впоследствии находят свое отражение в нем. Эта особенность языка говорит о необходимости использования принципа историзма при его описании. История народа неотделима от истории языка, поэтому все то, что на протяжении многих лет происходило с данным этносом, фиксируется в языке, формируя особенности национальной языковой картины мира. Изучение семиотического пространства профессиональной деятельности англосаксов в совокупности означающих ее средств позволяет восстановить фрагмент наивной языковой картины мира, связанный с профессиональной сферой жизни и обнаруживающий представления и предпочтения англосаксонского этноса эпохи раннего Средневековья.

По данным специалистов-лексикографов, количество слов в тот период исчислялось несколькими десятками тысяч. Но лексика, несомненно, известна нам далеко не во всем ее объеме. В частности, развитие кораблестроения, военного дела, ремесел в период, к которому относится написание древнеанглийских письменных памятников (начиная с VII в.), заставляет предположить, что словарный состав древнеанглийского языка включал в себя обширную профессиональную

терминологию, охватывающую эти области. Однако данные древнеанглийских словарей сообщают очень немного об этой стороне жизни англосаксонского социума. А.И. Смирницкий считает, что не всегда отсутствие какого-либо слова в древнегерманском языке (собственно, в памятниках данного языка) является случайностью, т.е. зависит только от скудости материала, которым располагают исследователи. Большая часть слов, может быть, навсегда утрачена [4. С. 203].

Тем не менее, изучение древнеанглийского словаря и текстов позволяет отобрать языковые знаки, обозначающие различные виды профессиональной деятельности, и сгруппировать их в соответствии с их семантикой. Помимо языковых знаков, мы сделали попытку проанализировать параязыковые знаки, поскольку появление знака в тексте транслирует значение слова в визуальные, физические, материальные репрезентации факта, чувства, действия, события. Текст, таким образом, представляет собой некую знаковую сеть, в которой каждое истолкование становится всякий раз другим знаком. Привлекаемый нами более широкий контекст – исторический и социальный – позволяет приблизиться к степени понимания смысла языковых знаков и узнавания описываемых реалий, присущей представителю того времени, а также создать свое понимание, сопряженное со смыслом всего текста. Анализ текстов бытовой направленности дал нам возможность выделить ситуации, связанные с повседневной деятельностью англосаксов, типологизировать основные характеристики этой деятельности и построить фреймы с общим названием «профессиональный работник», в которые входят следующие слоты: функции субъекта профессиональной деятельности, объект деятельности, инструмент, оценки и коннотации, связанные с деятельностью, а также социальный статус каждой конкретной профессии в средневековом англосаксонском социуме. В настоящей работе мы рассмотрим семиотическое пространство профессиональной деятельности англосаксонского кузнеца.

В лингвосемиотике профессиональной деятельности можно выделить восемь типов языковых знаков, наделенных иконической или денотативной семиотической нагрузкой: знаки-персоналии (в выборе терминологии мы опираемся на монографию А.В. Оляничка [5. С. 401]), знаки-процессивы, знаки-объективы, знаки-инструментативы, знаки-локативы, знаки-хронимы, знаки-квалификаторы и знаки-соционимы. Знаки-персоналии номинируют субъектов, связанных с

обработкой и использованием материалов. К знакам-процессивам относятся знаки, номинирующие действия, необходимые для выполнения профессиональной работы; к объективам относятся знаки, номинирующие виды материалов и изделий, подвергающихся профессиональной обработке. Инструментативы номинируют способ обработки; локативы и хрононимы – место и время работы; соционимы дают социальную характеристику субъекта; знаки-квалификаторы формируют обширное поле восприятия (красивый, полезный, опасный, трудный и т.п.).

Ремесленная работа является ручной работой, кустарной, и общей для основных видов ремесленников была номинация **smiþ** *m* handicraftsman, worker in metals or in wood (**smiþian**, **asmiþian** *wv/t2* to do smith's work, forge, fabricate, design, fashion) (здесь и далее используется словарь древнеанглийского языка [6]. – *И.Я.*), родственная номинации **smiþcræft** *m* manual art. Ручное ремесло требовало проворства и ловкости, поэтому тот, кто им владел, именовался умелым, квалифицированным работником – **smiþcræftega** *m* skilled workman, а его работа оценивалась как искусная – **smiþlic** *adj* dexterous, wondrous:

since geweorðad, befongen fre-awrasnum, swa hine fyrndagum worhte wæpna smið, wundrum teode, besette swinlicum.	'twas (the helmet. – <i>И.Я.</i>) wound with chains, decked with gold, as in days of yore the weapon-smith worked it wondrously, with swine-forms set it [9].
---	--

С течением времени семантика слова **smiþ** сузилась, и оно стало обозначать только тех, кто работал с разными видами металлов.

В изучаемой сфере **знаки-персоналии** обозначают собственно кузнеца (**isensmiþ** *m* blacksmith, an ironsmith, worker in iron), медника (**ársmið** *m* copper-smith), медеплавильщика, изготовителя бронзы (**mæstlingsmiþ** *m* brass-worker). К этим же знакам при-мыкают знаки, означающие других специалистов, необходимых в металлообработке (все профессии приведены в современном эквиваленте с необходимыми пояснениями): точильщик-шлифовщик (**grindere** *m* grinder), литейщик (**weorpere** *m* caster), паяльщик или плавильщик свинца (**léadgota** *m* plumber), молотобоец (**swingere** *m* striker, scourger, возможно, и **sleggyrhta** *m* metal-worker (**slegc** *m* hammer, mallet)), а также специалист, который может обнаружить залежи медной руды (**árgéotere** *m* brass-founder).

Знаки-персоналии, означающие ремесленников-металлообработчиков, включают также ювелиров – золотых и серебряных дел мастеров (**goldsmið** *m* goldsmith, **seolforsmiþ** *m* silversmith, worker in silver); в этих названиях реализуется изначальное, общее значение слова **smiþ** – искусный работник:

Ic hæbbe smiþas, isene smiþas, goldsmiþ, seolforsmiþ, arsmiþ, treowgyrhtan ond manegra oþre mistlicra cræfta biggenceras.	Who are my friends? Well, they are smiths, black smiths, farriers, goldsmiths, silver smiths, bronze smiths, wood workers, and many other skilled craftsmen [15].
---	---

Некоторые кузнечные мастера специализировались на изготовлении амулетов, призванных охранять воина во время битвы; такие мастера назывались **wigsmiþ** *m* maker of idols (**wig** *n* 1. war, battle; 2. idol, image). В древности некоторые металлы считались оберегами (например, др.-сев. **eir** «Hilfe, Gnade2 – руда, металл как оберег), с помощью свинца можно было вылечить-

ся от болезни и злых чар [7. С. 182, 273], а железо использовалось для гадания и для испытания Судом Божьим (вид пытки) (**isenordál** *n* ordeal by red-hot iron, in which the accused who wished to clear himself had to bear, on the naked hand, a piece of red hot iron).

Таким образом, семантика знаков-персоналий опирается на семантику первого компонента сложного языкового знака, который в то же время означает и объект деятельности – металл, подвергающийся обработке профессионалом.

Следует отметить происхождение некоторых слов, вошедших в жизнь древнеанглийского языка и занявших свое место в словаре англосаксов. Так, названия некоторых металлов проникли в диалекты англосаксонских племен, вероятно, через диалекты прирейнских германцев, т.е. были заимствованы еще на континенте (при описании заимствований мы воспользовались исследованиями А.И. Смирницкого). Например, лексема **copor** «медь» пришла из лат. *cuprum*, которая означала кипрскую бронзу (*aes cupr(i)um*, лат. Сурпус, греч. Кипрос – остров Кипр). Это слово из так называемых народных заимствований, т.е. слов, проникших преимущественно устным путем и рано вошедших в общее употребление. Некоторые из этих заимствований могут относиться, вероятно, еще к временам Цезаря (I в. до н.э.); основная же масса их приходится на первую половину I тысячелетия н.э., когда между германскими племенами и Римской империей завязались разнообразные и оживленные отношения, и затем на самой территории распавшейся империи произошло тесное массовое соприкосновение германцев с местным романским населением варварских королевств. Что касается англосаксов, то большая часть латинских слов этого раннего слоя была усвоена ими еще в бытность на материке, хотя некоторое количество слов проникло в их язык также через посредство романизованного городского населения Британии. С другой стороны, ранние заимствования в древнегерманских языках через германский язык-основу включают заимствования из неизвестных языков Восточной Европы или Передней Азии. Сюда относится другое наименование меди **ár**, **aruz**, **aruzzi** из шумер. **urud** (через гот. **aiz**) (медь), как и серебро **sioluftr**, **seolfor**, пришедшее через гот. **silbur** (ср. араб. **sarpu** «очищать», рус. «серебро»). В этих заимствованиях, вероятно, отражаются старые торговые связи с Востоком [4. С. 180, 184, 193]. Мы обнаружили, что в древнеанглийском словаре наименования меди используются по-разному: **ár** (**aruz**, **aruzzi** < **urud** *n* ore, brass, copper) – при обозначении ремесла и работника с этим металлом, а **copor**, **coper** *n* corper – для отдельного названия самого вещества, металла.

Лексема **mæstlingsmiþ** *m* brass-worker тоже означает рабочего, имеющего дело с медью – медеплавильщика, который изготавливает бронзу (в состав бронзы входит большая часть меди и малая примесь других металлов – олова, цинка, свинца, придающих бронзе различные свойства). Этимология слова **mæstling** не совсем ясна, однако понятно, что к меди (**ár**, **coper**) она не имеет отношения. Представляются возможными несколько путей появления слова в древнеанглийском словаре. Так, слово **mæstling** (1. *m* brass; 2. *fatling*) в

при высокой прочности; доспехи из железных колец (шлемы **isenhelm** *m* protection, helmet; **beadugrīma** *m* war-mask, helmet; **grīma** *m* mask, helmet; **hēafodbeorg** *f* helmet, protection for the head; **wigheafola** *m* helmet; **walu** *f* rib; metal ridge on top of helmet; кольчуги **hringīren** *n* ring-mail; **isenbyrne** *f* iron corselet; бармы **healsbeorg** *f* neck-armor). Стальными листами покрывали деревянные щиты (**stīele** *n* steel; **stīelec** *adj* steel-edged).

Золото (**gold** *n* gold; **goldóra** *m* gold ore; **goldwecg** *m* a lump of gold) и серебро (**seolfor** *n* silver) как драгоценные металлы использовались для изготовления ювелирных предметов (**goldgeweorc** *n* golden object), посуды (**seolforfæt** *n* silver vessel; **goldfæt** *n* golden vessel; **goldlæfer** *f*, **goldfell** *n* gold plate; **goldláf** *n* gold leaf or plate), всевозможного орнамента (**goldbléoh** *adj* golden-hued; **goldfæted** *adj*; **goldhladen** *adj* plated or adorned with gold; **goldfág** *adj* variegated or shining with gold; **goldfrætwe** *f pl* gold ornaments; **goldfyld** *adj* covered with gold; **goldwreken** *adj* inlaid with gold; **goldhroden** *adj* ornamented with gold; **goldbeorht** *adj* bright with gold; **seolforhammen** *adj* plated with silver, silver-coated).

Золотом и серебром отделялось оружие (**seolforhilted** *adj* silver-hilted; **goldhilted** *adj* golden hilted; **hringmæled** *adj* adorned with rings (of a sword)), доспехи (**goldhoma** *m* gold-adorned coat of mail), ткацкие изделия (**goldgewefen** *adj* woven with gold; **goldpræd** *m* gold thread), рукописи, которые выполнялись на тонко выделанной телячьей коже (**goldfellen** *adj* of gilded leather; **goldfyll** *n* gold leaf, gold foil); так, например, в одной из англосаксонских загадок описывается рукопись Библии, украшенная золотом:

<p>Mec sippan wra hælēð hleobordum, hyde beþenede, gierede mec mid golde; forþon me gliwedon wraetlic weorc smiþa, wire bifongen.</p>	<p>Shield-boards clothe me and stretched hide, A skin laced with gold. The bright song Of smiths glistens on me in filigree tones (the Bible: Anglo-Saxon Riddles from Exeter Book).</p>
---	--

Из этих металлов чеканились монеты (**seolfring** *m*, **seolforstycc** *m* piece of silver, a coin); серебро использовалось как мера веса (**seolforgewiht** *m* silver-weight, the scale of weight by which silver is weighed, where the pound is of 16 ounces); короли расплачивались золотом за верную службу, золото было синонимом сокровищ и богатства (**goldmáðm** *m* treasure; **goldæht** *f* wealth in gold **goldhord** *n* treasure of gold, treasury).

Знаки-процессы номинируют профессиональные действия субъектов (типологизированы в соответствии с разными операциями по обработке металла): ковать – **ásmiðian** *ww/t2* to do smith's work, fashion, forge, fabricate; **béatan** *sv/t7* to beat, pound, strike, thrust; **besmiðian** *ww/t2* to work (in metal), forge, surround with forged work; **sléan** *sv/t6* to strike *an object*, beat, smite; раздувать мехи – **ábláwan** *sv/t7* to blow, puff up; **bláwan** *sv/i7* to blow; **gebládan** *ww/t1b* to puff up, inflate; **pyffan** *ww/t1a* to puff, blow; протягивать – **hladan** *sv/t6* to draw; варить – **samodwellung** *f* welding together [weallan]; закаливать, меняя кристаллическую структуру и придавая различные свойства, – **áhierdan** *ww/t1b* to make hard, harden; **heardian** *ww/i2* to harden; **hierdan** *ww/t1b* to harden, strengthen; **gewieldan** *ww/t1b* to temper; **stielan** *ww/t1b* to steel, harden, temper; закаливать быстрым охлаждением – **ácwencan** *ww/t1b* to quench; **ádrincan** *sv/i3* to be

immersed, be drowned, extinguished, quenched by water; **gecélan** *ww/t1b* to quench, to make cool; **ofgéotan** *sv/t2* to moisten, soak, quench; выполнять окончательную отделку – **ábýwan** *ww/t1b* to rub off, polish, cleanse; **áhéawan** *sv/t7* to hew or cut off, out, or down; **ásweorfan** *sv/t3* to file off, polish; **begrindan** *sv/t3* to grind, sharpen; **for-sweorfan** *sv/t3* to polish, grind away; **gebónian** *ww/t2* to ornament; **gehiwlácan** *ww/t1b* to form, shape, fashion; **grafan** *sv/t6* to engrave, carve, chisel; **grindan** *sv/t3* to rub together; grind, sharpen; **liðercian** *ww/t2* to smooth down, flatter; **scafan** *sv/t6* to shave, polish; **scieppan** *sv/t6* to shape, form, make, create; **slícian** *ww/t2* to make sleek, smooth, or glossy; **sméðan** *ww/t1b* to make smooth, polish; **strícan** *sv/t1* to stroke, pass lightly over the surface, smooth; **sweorfan** *sv/t3* to file or grind away, polish, rub.

Лексемы, приведенные в древнеанглийском словаре, денотируют процессы, соответствующие почти всем современным процессам металлообработки. Не случайно археологические находки свидетельствуют о том, что уровень качества обработки железа англосаксонского периода был достигнут в Англии только в середине 1800-х гг.

Знаки-инструментативы номинируют инструменты, необходимые для профессиональной деятельности кузнеца: **anfealt**, **anfilt** *n* anvil; **áfulliend** *m* fuller; **belg** *m* pair of bellows; **biétl** *m* beetle, mallet, hammer; **blæðbylig** *m* bellows; **blæstbelg** *m* bellows; **byres** *f* borer, graving tool, awl, chisel; **fulwa** *m* fuller; **handhamur** *m* hand hammer; **heardhéaw** *n* chisel; **mylenstán** *m* grindstone; **slegebietl** *m* beetle, hammer, mallet; **slíc** *n* beater, mallet, hammer; **smiþbelg** *m* smith's bellows; **staca** *m* stake. Современный набор инструментов почти полностью соответствует инструментальному обеспечению англосаксонского кузнеца; в древнеанглийском словаре нет соответствия лишь современному слову *swage* – «штамповочный молот», что адекватно отражает древнюю картину мира, ибо все изделия были штучными, штамповочное производство не было развито, отсутствовали и соответствующие номинации. В семиотической системе мифологического дискурса молот как знак-инструментатив характеризовал ритуальные действия участников: кузнец – «кователь уз», в том числе и символических, – использовал молот как ритуальное средство утверждения договоров и брачных союзов [7. С. 250].

Знаки-локативы номинируют место деятельности кузнеца: кузницы и мастерские (**smiþþe** *f* smithy, forge, a smith's workshop).

В монографии «Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада» Жак Ле Гофф отмечает, что в эпоху раннего Средневековья некоторые ремесленники, такие как кузнецы и золотых дел мастера, бывшие скорее художниками, чем рабочими, были окружены особым ореолом, отражавшем магическое сознание человека Средневековья. Такие люди, и особенно кузнец, кующий мечи, воспринимались скорее в качестве колдунов, нежели людей ремесла, что связано с непосредственной деятельностью: кузнец кует оружие для богов и героев, обеспечивая тем самым их победу над чудовищами [11. С. 66]. Мечи получали собственные имена, передавались из рода в род и несли на себе всю славу прежних владельцев, их имена становились символами. Согласно исследованиям Н.Д. Арутюновой, символ в

наивной семиотике «определяет программу действий и задает модель поведения», ему соответствует внутреннее нравственное убеждение, «сила категорического императива»; «стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения» [12. С. 345, 338]. Утилитарные свойства такого меча как знака-артефакта отступали в тень, а на первом плане оказывались приписанные ему значения.

Имена искусных кузнецов буквально выковывались на лезвии меча и также превращались в знаки-символы бессмертия и славы для будущего хозяина меча. Два исторических имени сохранились до наших дней – Ульфберт и Ингерли; из легенд известен Унферт, изготовивший для Беовульфа меч Хрунтинг:

<p>Ond þu Unferð læt ealde lafe, wraetlic wægsweord, widcuðne man heardecg habban; ic me mid Hruntinge dom gewyrce, oþðe mec deað nimeð.</p>	<p>And let Unferth wield this won- drous sword, earl far-honored, this heirloom precious, hard of edge: with Hrunting I seek doom of glory, or Death shall take me [9].</p>
--	---

Престиж кузнеца был настолько велик, что его магический образ был воспет в древнегерманских героических поэмах и сагах V–VIII вв. О важности своей профессиональной деятельности для жизни социума в мирное время свидетельствует сам кузнец в «Разговорнике» Эльфрика X в.:

<p>Se smiþ secgð: Hwanon sylan scear oþþe culter, þe na gade hæfþ buton of cræfte minon? Hwanon fiscere ancgel, oþþe sceowyrhton æl, oþþe seamere nædl? Nis hit of minon geweorce?</p>	<p>The blacksmith replies: Where does the ploughshare or the coulter come from unless it has the impetus of my skill? Where does the harpoon for the fisherman, or the scissors for the tailor or the needles for the suit mak- ers? Surely, they come from my skill? [15].</p>
--	---

Ж. Ле Гофф сообщает также, что открытие в конце 80-х гг. XX в. могилы меровингского кладбища Эрувиллет явило миру одного такого мага-ремесленника раннего Средневековья: он был захоронен с оружием знатного воина и сумкой с инструментами [11. С. 205]. Подобные материальные вещи как семиотические коды незаметно воздействуют на человека, организуя его сознание. М.М. Бахтин, говоря о параллельности мира вещей и мира знаков, утверждал, что знаком может сделаться любая материальная вещь, в результате чего ее значение выходит за ее пределы (цит. по: [13. С. 542]). А.Е. Супрун отмечал, что знак по-разному проявляет себя в связях с внешним миром и по-разному функционирует. В частности, он показал, что два аспекта знака (прагматика и синтактика) непосредственно создаются и выявляются в употреблении в отличие от менее зависимых от употребления денотативного и парадигматического аспектов. С другой стороны, разные аспекты знака по-разному связаны с внешним миром: денотативный и прагматический аспекты напрямую зависят от внешнего мира (отображают его или пытаются на него воздействовать), в то время как парадигматический и синтагматический аспекты прямо не связаны с внешним миром, их связи опосредованы внутрисистемными отношениями [14. С. 120–122]. Материальные **знаки-артефакты** в меровингском захоронении, выполняя презентационную функцию, прагматичны в своем воздействии на человека: они передают нам знания о высоком социальном статусе кузнеца, даже

о приравнивании кузнеца к знатному воину, несмотря на то, что кузнец не присутствует на полях сражений.

Ту же когнитивную функцию хранения и передачи знания выполняют **визуальные знаки**. В изобразительных искусствах иконичность является исходным свойством их знаков (знаков-изображений). В отличие от танца и особенно музыки, план содержания изобразительных искусств в большей мере доступен для словесной характеристики. Вместе с тем любое произведение изобразительного искусства в той или иной мере конвенционально, исполнено условностей и символичности. Изображение кузнеца в буквице средневекового манускрипта передает нам информацию о его сакральном статусе и функциях демиурга. Пространство буквы разделено на три части, в верхней и нижней бушует красный огонь, в средней – голубой, в воздушной находится кузнец. Красные части пространства семантизируют его общение с огнем небесным, молнией (молот символизирует удар грома или сверкание молнии), и с огнем подземным, поскольку он работает с рудой. Кузнец – «хозяин огня». По скандинавским мифологическим свидетельствам, кузнец, «кователь небесного железа», выковал небесный свод, светила, плуг и меч [7. С. 201]. Кузнец изображен за работой: в руках его молот и заготовка для меча, лежащая на наковальне. Молот, в соотношении с наковальней, выступают одновременно символами созидания и разрушения. Буква заключена в орнамент, поддерживаемый лапами льва, который в символике стихий также связывается с огнем, а в мифологии воплощает героическое начало, он же – дух планеты Марс, символизирующей воинственность. В эмблематике лев символизирует мощь, которой обладают железные изделия (ср. эмблему фирмы «Пежо», принятую в начале XIX в., – лев, идущий на задних лапах; до 1890 г. фирма выпускала серпы, каркасы зонтов и т.д., потом перешла на выпуск автомобилей, но эмблему сохранила). Следует признать, что визуальные знаки, несущие иконическую нагрузку, обладают большими семантическими возможностями и являются наиболее семиотически выразительными из всей совокупности параязыковых означающих средств.

Изучение «Разговорника» Эльфрика, наиболее достоверно представляющего лингвосемиотическое пространство повседневной жизни англосаксонского социума (и едва ли не единственного источника, помимо немногочисленных правовых грамот), дает возможность построить фрейм «кузнец» в когнитивной структуре англосаксонской личности конца X в. [15]:

– **функции субъекта:** *blawendra* (puff), *swegincga* (clang), *beatendra* (beat, strike);

– **объект деятельности:** *sylan* (plough), *scear* (ploughshare), *culter* (coulter), *fiscere ancgel* (fisher's harpoon), *sceowyrhton æl* (tailor's scissors), *seamere nædl* (suit maker's needles); *isenne* (steel);

– **инструмент деятельности:** *slecgea* (hammer, instrument for striking), *bylīga* (bellows), *fýrcrúce* (crucible, kettle);

– **оценка, коннотации:** *fýrspearcan* (shining), *swegincga* (noisy, clanging), *cræfte minon* (my skill);

– **социальный статус:** в тексте не манифестирован.

Уместно обратить внимание на то, что данные языка (словарь) и речи (полилог «Разговорника») по-разному

представляют картину кузнечного процесса: в словаре это лексемы, денотирующие работу кузнеца, в речи – звуко-подражательные лексемы-дескриптивы, транспортирующие в дискурс образы работающих инструментов, семантизирующие чувственно-образное восприятие постороннего участника события (*puff, clang, beat, strike*) и отражающие наивную языковую картину мира.

Для говорящего язык и реальный мир полностью адекватны: знак целиком покрывает реальность и господствует над нею; более того, знак и есть эта реальность («магическая сила слова»). Акустический образ, означающее, и понятие, означаемое, «вместе запечатлены в моем сознании, вместе возникают они в представлении при любых обстоятельствах», – писал Э. Бенвенист о языковом знаке [16. С. 91]. В буквальном смысле это описание можно отнести к **звуковым знакам**, у которых план выражения (звуковая оболочка) мотивирован звуками, связанными с тем, что обозначает знак. Звуковые знаки, номинирующие удары молота (*beat, strike*), раздувание мехов (*puff*), звон металла о наковальню (*clang*), иконичны. Иконичность мотивированна, но иконичность звукоподражательных слов соединяется с той или иной долей конвенциональности. Поэтому знаки-звуки кузнечных инструментов для стороннего субъекта являются знаками-индексами кузнеца. В том, что каждый последующий знак включает предыдущие значения и накапливает новые, проявляется главный закон семиотики – «знак за знак», сформулированный Ч.С. Пирсом.

Таким образом, вслед за Ю.М. Лотманом, следует подчеркнуть, что семиосфера отличается неоднородностью. Заполняющие семиотическое пространство языки различны по своей природе. Все элементы семиосферы находятся не в статическом, а в динамическом, подвижном состоянии, и особенно это заметно на традиционных моментах, доставшихся из прошлых состояний культуры [17. С. 252]. Семиотические комплексы знаков, функционирующие как самостоятельно, так и параллельно вербальной коммуникации, сопровождают и поддерживают ее. Они формируют когнитивное пространство общения с объектом воздействия, через толщу веков предьявляя ему информацию о качествах, характеристиках и статусе субъекта. Семиотический анализ, несомненно, связан с выходом за пределы одной знаковой системы, т.е., по сути, он предполагает межсемиотический взгляд на феномены общения и познания. Каждая семиотика представляет собой некоторую модель (картину) мира со своими возможностями порождения и сообщения новой информации о нем. Несмотря на операционную раздельность сенсорных и информационных каналов, разные значения пересекаются и влияют друг на друга. Семиотическая реконструкция, основанная на синкретичных сообщениях разных семиотических систем (вербалии, артефакты, чувственно-образная система визуальных и звуковых средств), дает возможность проследить пути становления и динамику развития любого общества в цепи событий его истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева А.А. Знаковые теории языка // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 167–169.
2. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: КомКнига, 2006.
3. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык. Природа. М.: Академия, 2004.
4. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1955.
5. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004.
6. Hall J.R.C. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Univ. of Toronto Press, 1991.
7. Словарь символов и знаков. Минск: Харвест, 2004.
8. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. М.: Издательский дом «Диалог», 1999.
9. *Beowulf* / Transl. by Francis B. Gummere. Режим доступа: <http://www.fordham.edu/halsall/sbook.html>, свободный
10. *Sweet's Anglo-Saxon Reader in Prose and Verse* / Rev. by D. Whitelock. Oxford: Clarendon Press, 1975.
11. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
13. Почепцов Г.Г. Русская семиотика. М.: Рефл-бук, 2001.
14. Супрун А.Е. Лекции по теории речевой деятельности. Минск: Белорус. фонд Сороса, 1996.
15. *Ælfric's Colloquy*. Режим доступа: древнеанглийская версия – www.ucalgary.ca; перевод А. Уоткинс с латинского на современный английский язык – www.kentarchaeology.ac, свободный
16. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002.
17. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2004.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 октября 2008 г.